

worden. Sehr detailliert sind die Silbenstrukturtypen der Ableitungen beschrieben worden, und es ist festgestellt worden, welche von diesen fundamental, welche seltener und welche unerwünscht sind. S. Vare ist gelungen, die Ableitungsregeln für mehrere Suffixe (-la, -kond, -stik) zu präzisieren und zu ergänzen. Das ist ein wertvolles Ergebnis der Arbeit.

Die gut überlegten und klar formulierten Schlußfolgerungen der Verfasserin werden im siebenten Kapitel dargelegt. In diesem werden die suffixalen Ausdrucksmöglichkeiten sowohl der Lokalität als auch der Kollektivität zusammengefaßt, und es werden übersichtliche Schemen von den gegenseitigen Beziehungen zwischen den Suffixen gebracht. S. Vare hat gezeigt, in welcher Richtung die semantische Entwicklung des einen oder anderen Suffixes in der estnischen Schriftsprache verläuft. Sie hat

auch die Entstehung der Synonymie bei den Ort- und Gruppensuffixen, gleichfalls die Spezialisierung synonymer Suffixe und die Bildung von Dominantsuffixen geklärt. Gleichzeitig hat die Verfasserin die Ursachen verfolgt, die eine Veränderung in der Bedeutung und in der Aktivität der Suffixe im Laufe der Zeit bedingt haben.

Somit kommt der Dissertation vom Standpunkt der Erforschung des Ableitungssystems der estnischen Schriftsprache aus eine wesentliche Bedeutung zu, und ihre Ergebnisse müssen bei einer wissenschaftlichen Bearbeitung der estnischen Wortableitung berücksichtigt werden. Die in der Dissertation vertretenen Standpunkte lassen sich auch bei der Regelung der estnischen Schrift- und Fachsprache anwenden.

ILSE KONT (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1976.4.12>

Э. С. Якимова. Соматическая фразеология в марийском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1975.

24 октября 1975 г. на Ученом совете филологического и исторического факультетов Тартуского государственного университета состоялась защита кандидатской диссертации Э. С. Якимовой на тему «Соматическая фразеология в марийском языке». Официальные оппоненты доктор филологических наук профессор И. С. Галкин (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук П. Кокла (Таллин) дали ей высокую оценку.

Фразеология марийского языка до сего времени не подвергалась глубокому исследованию, что же касается соматической фразеологии, то она вообще не изучалась. В этом отношении рецензируемая работа представляет собой первую попытку всестороннего анализа соматической фразеологии марийского языка.

Нельзя сказать, что в финно-угорском языкознании рассматриваемая проблема совершенно не исследовалась. Имеются довольно обстоятельные работы по фразеологии эстонского, венгерского, финского и мордовских языков. В марийском же языкознании, кроме отдельных статей и

раздела вузовского учебного пособия по лексикологии, обобщающих работ нет.

Автор рецензируемой диссертации ограничилась исследованием соматической фразеологии, которая представляет собой самую продуктивную группу фразеологизмов марийского языка. Это позволило дать глубокий анализ проблемы и прийти к убедительным, иногда даже выходящим за рамки марийского языкознания выводам, чему способствовало и использование сравнительных материалов из родственных и неродственных языков. Рецензируемая работа имеет практическое значение: она послужит хорошим подспорьем при составлении словарей (в настоящее время Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории составляется большой словарь марийского языка толкового типа), при переводах и преподавании марийского языка в школах и вузах.

Э. С. Якимова хорошо знает теоретическую и специальную литературу, она собрала богатый фактический материал из различных источников. Целью работы

является анализ соматических фразеологизмов в марийском языке на современном этапе его развития со стороны образования, лексического состава, семантики и грамматической структуры.

Работа состоит из обстоятельного введения, четырех глав и заключения.

Первая глава посвящена общей характеристике соматических фразеологизмов, при этом принимаются во внимание особенности марийского языка, определяется объем фразеологии и выделяются признаки соматических фразеологических единиц, черты которых, вероятно, могут служить критериями и при выделении других фразеологизмов:

1) все марийские соматические фразеологизмы состоят не менее чем из двух слов: *вувеш налаш* 'обижаться', букв. 'брат в голову';

2) раздельнооформленность компонентов, например: *вувеш шуаш* 'стать совершеннолетним', букв. 'в голову дойти, достигнуть';

3) устойчивость фразеологизмов, причем отмечается та особенность, что соматический фразеологизм в марийском языке как единица языка имеет постоянный лексический состав и структуру, а как единица речи допускает преобразования;

4) переносно-образное значение соматических фразеологизмов, например: *йыжың каяш* 'нездоровиться; чувствовать слабость', букв. 'сустав уходить'.

Первые два признака автором отнесены к внешним, вторые — к внутренним, и, как нам кажется, совершенно правильно.

Э. С. Якимова пишет, что раздельнооформленность компонентов обусловлена тем, что компоненты фразеологизмов представляют собой отдельные слова, а не основы, как в сложных словах. Действительно, компоненты фразеологизмов не так спаяны, как в сложных словах: они, хотя и совместно передают переносно-образное значение, все же остаются отдельными словами, а не основами, как в сложных словах подчинительного типа. Однако если обратить внимание на агглютинативность марийского языка и широкую возможность образования сложных слов сочинительного типа, то сказанное не будет полностью отвечать истине, так как в сложных словах сочинительного типа компонентами являются и отдельные слова.

Э. С. Якимова права, что фразеологические словосочетания часто служат источником образования сложных слов (стр. 22) и что тенденцию к перерастанию в таковое имеют фразеологизмы со структурами: имя + соматический компонент в номинативе + инфинитив, субстантивно-послесложные. Для того чтобы фразеологизм мог превратиться в сложное слово, компоненты его должны употребляться в речи в постоянном соседствующем расположении (стр. 23).

Далее рассматриваются пути возникновения соматических фразеологизмов, определяется частотность употребления соматических названий при образовании фразеологизмов и делается весьма интересное заключение. Больше всего фразеологизмов со словами *вуй* 'голова', *йол* 'нога', *йылме* 'язык', *кид* 'рука', *логар* 'горло', *нер* 'нос', *пылыш* 'ухо', *умша* 'рот', *шинча* 'глаз', *шійм* 'сердце', т. е. с теми названиями частей тела и органов, функции которых человеку казались наиболее важными. Причем это наблюдается не только в марийском языке, что говорит об общей для многих языков закономерности.

Автор указывает также, что почти все соматические компоненты относятся к активной лексике современного марийского языка и являются словами финно-угорского происхождения.

Э. С. Якимова установила, что число фразеологизмов с тем или иным соматическим компонентом связано с его полисемантической, что в марийском языке в отличие от некоторых других (русского, немецкого, эстонского) соматический компонент всегда стоит в единственном числе.

Далее рассматривается роль соматического компонента в семантике фразеологизма и устанавливается, что большинство соматических фразеологизмов мотивировано, что функции частей тела и органов определяют содержание соматических фразеологизмов, поэтому каждый соматический компонент образует определенные семантико-тематические разряды фразеологизмов. Это убедительно подтверждает анализ фразеологизмов с соматическим компонентом *вуй* 'голова'.

Вторая глава посвящена анализу источников и путей образования соматических фразеологизмов. Здесь автор отме-

чает экстралингвистические факторы возникновения соматических фразеологизмов. К первым она относит различные жесты, мимические, физические движения, физиологические ощущения человека и наблюдения его за поведением животных.

Экстралингвистические факторы послужили источником образования свободных словосочетаний, лингвистические же способствовали превращению их в фразеологизмы. Среди последних Э. С. Якимова выделяет следующие:

- 1) переосмысление готовых свободных словосочетаний;
- 2) образование фразеологизмов сразу, без нахождения в стадии свободного словосочетания или предложения;
- 3) способ аналогии;
- 4) фразеологическая деривация;
- 5) заимствование.

На наш взгляд, верно, что свободное словосочетание может стать фразеологизмом лишь тогда, когда оно получает переносное значение, ибо все фразеологизмы обладают семантической двуплановостью.

Интересно наблюдение автора относительно происхождения фразеологизма *вuess шуаш* 'стать совершеннолетним', который сравнивается с тат. *bujga ziti* 'достичь зрелости, совершеннолетия'. Тат. *buj* 'рост' не имеет ничего общего с мар. *vuy* 'голова', но семантика фразеологизмов обоих языков совершенно сходна. Очевидно, здесь совпадение по звучанию мар. *vuy* с тат. *buj* послужило причиной возникновения мар. *вuess шуаш*. Однако этот фразеологизм, по нашему мнению, нельзя считать прямым заимствованием, скорее всего, это калька с народной этимологией.

В третьей главе автор рассматривает системные свойства соматических фразеологизмов. Отмечается, что соматические фразеологизмы в марийском языке обладают полисемантической, омонимичностью и синонимичностью.

Полисемия фразеологизмов, как правильно пишет автор, отличается от полисемии слов, ибо фразеологизм имеет только переносное значение, поэтому образование у него нового значения — это образование вторичного и более абстрактного значения.

Весьма интересно наблюдение Э. С. Якимовой о том, что многозначность и

омонимичность часто связаны со структурно-грамматическими особенностями фразеологизма.

Четвертая глава посвящена структурно-грамматической характеристике соматических фразеологизмов.

Все соматические фразеологизмы марийского языка автор делит на две большие группы: 1) фразеологизмы, структурно равнозначные словосочетанию; 2) фразеологизмы, имеющие структуру предложения. Первая группа более многочисленна и в свою очередь делится на именные и глагольные.

Наблюдения автора показали, что именные фразеологизмы употребляются в основном в номинативе, дативе и аккумулятиве, т. е. в отличие от отдельных слов они менее парадигматичны.

Другой интересной особенностью именных фразеологизмов теперь уже в отличие от свободных словосочетаний является то, что они ограничены в употреблении форм числа. Именные фразеологизмы чаще всего выступают в единственном числе.

Среди именных фразеологизмов выделяются адъективно-субстантивные (*ужар вуй* 'молодой, неопытный человек'), субстантивно-субстантивные (*ыштыраш йылме* 'грубый язык', букв. 'сукно язык'), причастно-субстантивные (*ййшо вуй* 'пьяный', букв. 'выпившая голова'), адъективные (*неле могыран* 'беременная', букв. 'с тяжелым телом'), субстантивно-последельные (*кид мучаште* 'близко', букв. 'в конце руки').

Наиболее продуктивны в марийском языке глагольные фразеологизмы. В диссертации отмечается, что по структуре они весьма различны, соматический компонент может принимать формы разных падежей. Однако не объясняется, почему нет в употреблении модели: генитив + глагол.

К фразеологизмам второй группы отнесены 1) пословично-поговорочные выражения; 2) фразеологизмы, в которых субъектом действия является соматический компонент; 3) фразеологизмы, в которых субъектом является воображаемое лицо или предмет; 4) фразеологизмы, выражающие различные пожелания или, как они названы в работе, императивные фразеологизмы. На наш взгляд, такое распределение соматических фразеологизмов марийского языка вполне справедливо.

Заключительная часть диссертации содержит выводы и краткое реферирование содержания основных глав.

Весьма ценным представляется реестр соматических фразеологизмов.

Работа, как отмечено выше, оставляет очень хорошее впечатление по глубине содержания, но не лишена она и недочетов, не имеющих, правда, принципиального значения. Так, на стр. 67 автор пишет, что сейчас трудно сказать, с чем связано возникновение фразеологизма *коваште мбңгеш* 'долг будет оплачен', букв. 'шкура будет возвращена'. Однако если учесть, что мерой обмена у марийцев

была беличья шкура, можно объяснить возникновение указанного фразеологизма именно этим, ибо вплоть до настоящего времени денежный счет у марийцев велся по названию беличьей шкурки, ср. *кумыр* 'копейка', т. е. 'три белки'. На стр. 152 неформленный винительный падеж автор диссертации называет номинативом, с чем вряд ли можно согласиться.

Эти недочеты легко устранимы при подготовке рукописи к печати. Они ничуть не умаляют значение исследования. Хотелось бы, чтобы автор диссертации продолжила свою работу.

И. С. ГАЛКИН (Йошкар-Ола)

Вопросы удмуртского языкознания, вып. III, Ижевск 1975

По сравнению с предыдущими выпусками (I, 1969, II, 1973) тематика исследований в рецензируемом сборнике значительно расширилась, пополнился круг его авторов. Выпуск содержит исследования по истории литературного языка, исторической фонетике, морфологии, словообразованию, синтаксису, этимологии отдельных слов, топонимии, заимствованиям.

Общественность Удмуртской АССР широко отмечала в ноябре 1975 г. юбилей первой научной грамматики удмуртского языка. Выход настоящего сборника и посвящен двухсотлетию грамматики, изданной в 1775 г. в Санкт-Петербурге под названием «Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка».

Непосредственно с этим событием связаны статьи В. М. Вахрушева «Первая удмуртская грамматика и развитие удмуртской лингвистики» и В. Е. Майера «Исторические и культурные предпосылки написания первой грамматики удмуртского языка». В них читатель узнает об истории создания памятника, его особенностях, о роли первой научной грамматики в развитии языкознания и культуры удмуртского народа.

Удмуртская филология прошла сложный путь развития, преодолены огромные трудности, и тем значительнее представляются нам современные достижения удмур-

товедов. Самым существенным из них является окончательное оформление единого удмуртского литературного языка, пути формирования которого прослеживаются в статье В. М. Вахрушева «К вопросу о формировании и развитии удмуртского литературного языка». Автор, в частности, уточняет термин «младописьменные» языки, вслед за В. И. Лыткиным относит удмуртский к старописьменным языкам с небольшой дореволюционной литературой, критически рассматривает периодизацию развития литературного удмуртского языка. Это тем более важно, что до недавнего времени недооценивалось или совсем отрицалось дореволюционное развитие письменности многих языков. В статье затрагиваются отдельные вопросы истории формирования литературного языка, но приводимые положения представляют собой значительный вклад в эту сложную проблему.

В последние годы ведутся интенсивные разыскания по древнеудмуртскому вокализму, в этой связи заслуживают внимания статьи В. К. Кельмакова («Рефлексы древнеудмуртских среднеязычных гласных верхнего подъема в современных диалектах», «Судьба праудмуртского огубленного *ö* в современных диалектах»). Представленную в сборнике работу «Финно-угорская праязыковая особенность вокализма непервого слога и ее следы в пермских языках» автор посвящает 80-